

Г.В. Лютикова

Государственный литературный музей

ГЕНИЙ – МЕСТО – ГЕНИЙ МЕСТА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

В статье в общем виде представлена следующая постановка проблемы: тема конференции — «Человек в ландшафте» — фокусируется на одной ограниченной группе людей, а именно гениях, и рассматривается возможность типологии взаимодействия человека с ландшафтом внутри этой «группы».

Ключевые слова: *ландшафт, энлог, «гений места», Борис Пастернак, Всеволодо-Вильва, Переделкино*.

Lutikova G.V.

State Literary Museum

GENIUS – PLACE – THE GENIUS OF THE PLACE (to the problem)

The article summarizes the following problem statement: the theme of the conference «Man in the landscape» — focuses on onelimited group of people, namely the genius, and the possibility of a typology of human interaction with the landscape within this «group».

Keywords: *landscape, enlog, «genius of place», Boris Pasternak, Vsevolodo-Vilva, Peredelkino*.

В данной заметке предлагается рассмотреть следующую постановку проблемы: сфокусировать тему конференции — «Человек в ландшафте» — на одной ограниченной группе людей, а именно гениях, и рассмотреть возможности типологии взаимодействия человека с ландшафтом внутри нее. За скобками оставлена проблема определения понятия «гений», его содержание предполагается интуитивно понятным. Для упрощения ситуации и большей ясности изложения постановки проблемы гений понимается здесь внеоценочно и достаточно широко, т.е. как человек, обладающей высокой степенью одаренности и сумевший ее реализовать, — а для большей объективности — и ныне уже покойный. Необходимо оговорить также, что осмысленно оставить за пределами рассмотрения «специалистов по пространствам», т.е. работающих с пространством по определению — архитекторов, художников, географов, проектировщиков, астрономов и т.д.

В основе предлагаемой типологии поначалу была всего одна характеристика — **интен-**

сивность взаимодействия гения с культурным ландшафтом¹, т.е. с местами, в которых он жил, бывал и путешествовал. На шкале от минимума до максимума предлагалось выделить три точки:

- минимальное взаимодействие с ландшафтом (сознательно или бессознательно перекрыт канал пространственных взаимодействий)
- обыденное взаимодействие с ландшафтом, т.е. бытовое использование конкретных мест (сознательно или бессознательно на канал пространственных взаимодействий установлен фильтр)
- максимальное взаимодействие с культурными ландшафтами (канал пространственных впечатлений полностью открыт и даже является источником вдохновения), здесь выделяются два подтипа: эмоционально-спонтанный и целеполагающий.

Идея такой типологии разворачивалась именно справа налево, точкой отсчета стали наиболее яркие примеры плодотворного и эмоционально насыщенного взаимодействия с культурным ландшафтом, вслед за этим возник вопрос о противоположном полюсе, и сама собой образовалась середина. В результате сложилась простая таблица. После обсуждения предложенной постановки проблемы в ходе конференции, считаю возможным и необходимым сразу дополнить первоначальные ха-

© Лютикова Г.В., 2018

Лютикова Галина Владимировна, научный сотрудник
Государственного литературного музея, отдел «Дом-музей
Б.Л. Пастернака»
gl-1961@yandex.ru

Таблица 1

Взаимодействие с ландшафтом

Минимальное взаимодействие с ландшафтом, когда канал пространственных взаимодействий сознательно или бессознательно перекрывается (частично вырожденный энлог с умельтом)	Обыденное взаимодействие с ландшафтом, когда на канал пространственных взаимодействий сознательно или бессознательно устанавливается фильтр(ы) (вырожденный энлог с умельтом)	Максимальное взаимодействие с ландшафтом, когда канал пространственных впечатлений полностью открыт и является плодотворным (полноценный индивидуальный энлог с умельтом)	
		спонтанная проекционная активность (а)	целеполагающая проекционная активность (б)
И. Кант А. Лосев А. Тьюринг	Платон Л. Ландау	А. Пушкин М. Лермонтов М. Волошин А. Грин С. Есенин П. Бажов	Аристотель Д. Менделеев Ф. Достоевский Б. Пастернак Ю. Лотман В. Вернадский Ю. Шрейдер К.Г. Юнг

рактеристики некоторыми типами из разработанной С.В. Чебановым типологии энлогов (выделены в таблице жирным шрифтом).

Энлог понимается С.В. Чебановым как «взаимонаправленный проекционный процесс» [10, с. 20]. Рассматриваемый случай относится к такому типу энлогов, в котором одним из участников является разумное существо. В статье «Герменевтические аспекты энлога как квазиперсонального взаимодействия» читаем: «Проектирование определенного фрагмента бытия в сознание разумного существа в данном случае очевидно. Очевидно также и влияние разумного существа на второго партнера за счет тех же механизмов, что и рассмотренные выше — вследствие действия полей, окружающих человека, массивности его тела и т.д. Однако в этом случае разумное существо вдобавок осуществляет целенаправленную деятельность, которая преобразует второго партнера, разворачивая его определенным образом. Одним из вариантов такого взаимодействия является познавательная деятельность. Образ мира в этом случае оказывается зависящим от организации человека как разумного существа. ... Кроме таких универсальных свойств разумные существа могут обладать и такими, которые диктуются определенной культурой, традицией и т.д. <...> Т.о., разумное существа выделяет в своем партнере то, что актуально для разумного существа, преобразуя тем самым этого партнера. <...>

Несмотря на разнообразие указанных ситуаций, для них всех характерно проектирование организации одного партнера на организацию другого, причем в ходе взаимодействия такое проектирование идет в двух встречных направлениях. Это является существенной чертой энлога как взаимодействия. Т.о., в ходе энлога в результате взаимопроектирования организаций меняется

устройство каждого из партнёров. Более того, практически всегда даже нельзя помыслить себе участника в изолированном виде. Тем самым оказывается, что партнёр меняется в зависимости от того, в каком взаимодействии он участвует. Говорить о партнёре как таковом, вне его взаимодействия с другими, оказывается бесмысленно — в каждом энлоге формируется специфический образ партнёра, его энлогия, которая определяется его природой, природой другого (других) партнёров, а также характером самого энлога» [10, с. 21-22]. Здесь важно процитировать также некоторые аспекты понятия энлога и энлогии, существенные при рассмотрении взаимодействия человека именно с ландшафтом:

- «энлог может осуществляться не только мыслительными средствами, что позволяет говорить о вступлении в энлог живого существа, энлоге нерационального типа и т.д.» [10, с. 23]
- «порождение энлогии предполагает напряженную активность по крайней мере одного из партнёров, и как раз эта активность является источником поддержания существования данной энлогии» [10, с. 24].

Типология энлогов проводится С.В. Чебановым по пятнадцати осям признаков, из которых для обсуждаемой постановки проблемы осмысленно выбрать лишь несколько:

«3. а) Невырожденный энлог (энлог в собственном смысле) — такой, который удовлетворяет всем выше указанным свойствам энлога; б) вырожденный энлог предстает как процедура, субъектно-объектное взаимодействие, манипулятивное отношение к партнеру. Широко распространено частичное вырождение энлога» [10, с. 26].

¹ Культурный ландшафт понимается в рамках определения, разработанного В.Л. Каганским [5].

Таблица 2

Взаимодействие с ландшафтом, пространством, хтоническими силами

		ЛАНДШАФТ (место)		
ПРОСТРАНСТВО	-	+ / -	+	
			(а)	(б)
-	А. Тьюринг		А. Пушкин П. Бажов С. Есенин И. Тургенев И. Бунин	Ф. Достоевский
+ / -		Л. Ландау		
+	И. Кант А. Лосев	Платон	М. Лермонтов Л. Толстой А. Чехов	Аристотель Д. Менделеев Б. Пастернак В. Вернадский Ю. Шрейдер Ю. Лотман А. Грин М. Волошин К.Г. Юнг

«5. Проекционная активность партиципантов может быть: а) спонтанной, не направленной на достижение определенной цели, а происходящей из природы партнера; б) целенаправленной, обеспечивающей реализацию определенной цели; в) целесустребленной, предполагающей направление сил на реализацию существующих целей, и д) целеполагающей, при которой идет формирование, а затем достижение цели. Цели при этом, в свою очередь, могут иметь разную природу» [10, с. 26-27].

«9. Отношение к партнеру может быть а) универсальным (без учета каких-либо его особенностей), б) типологическим (с учетом типовых особенностей партнера) и в) индивидуальным (принимающим во внимание индивидуальные особенности)» [10, с.27].

Итак, первоначальная простая таблица (Табл. 1) (распределение конкретных гениев по ячейкам таблицы, конечно, не претендует на точность и окончательность).

Даже поверхностное рассмотрение самой правой колонки наталкивало на следующий вывод: гениям, вступившим в полноценный индивидуальный энэлог с конкретными ландшафтами, было присуще также стремление к созданию целостной картины мира, или образа мира как жизненная задача. Причем аспект целостности и средства выражения результата могли быть самыми разными: от «образа мира, в слове явленном» до периодической таблицы химических элементов. Т.е. максимально интенсивное взаимодействие с культурным ландшафтом — и шире: с земным пространством — сама собой разумеющаяся жизненная практика для личности, стремящейся познать и выразить целостность мира.

В этом случае, однако, проблему представляет левая колонка таблицы, что и стало понят-

но в ходе обсуждения сообщения. С.В. Чебанов и В.Л. Каганский указали на то, что например, И. Кант, предельно минимизировавший свое взаимодействие с местом, в котором жил, тем не менее создал доминирующее сегодня представление о категории пространства. Следовательно, типология не может быть столь простой, как представлялось. С.В. Чебанов в своем комментарии упомянул также о необходимости различить отношение личности к пространству как таковому (к категории пространства) и к месту/местам (культурным ландшафтам), а также о существовании такого важного аспекта, как взаимодействие с хтоническими силами мест.

Попытаюсь усложнить первоначальную типологию, включив аспекты пространственности и хтоничность как еще один аспект взаимодействия с местом, его придётся выделить курсивом. При заполнении такой таблицы обнаруживается больше вопросов, чем ответов. Интересно также посмотреть, кто из названных гениев стал где-то *Genius loci*, таких отметим жирным шрифтом (Табл. 2).

Позволю себе несколько рассуждений, так сказать, на полях таблицы.

Можно предположить, что ни один гений не может избежать энэлога с пространством как с основной категорией мира и миросозерцания и одновременно с воплощением пространства в конкретных местах, а вот характер энэлога зависит уже не от степени одаренности и не от области избранной деятельности, но от склада и размера личности, таким образом, можно предположить, что характер энэлога с основополагающими категориями нашего бытия — пространством и временем — скорее лежит в основе жизни и судьбы, чем вытекает из нее, и уж точно не может рассматриваться как второстепенная характеристика.

Гений, несомненно, может управлять своими энлогами, например, целенаправленно минимизировать энлог с конкретным земным пространством и местом жизни (случай И. Канта). Таковой энлог понимается, видимо, как избыточный, непродуктивный и потенциально повреждающий работу мысли, которая устремлена к более абстрактному — полноценному энлогу с пространством как категорией и философской сущностью, иначе говоря, с идеей пространства. Либо, напротив, энлог с ландшафтами как с конкретным выражением категории пространства воспринимается и принимается как нечто особо значимое и даже необходимое для познания мира и создания целостной «картины мира» и сознательно интенсифицируется.

Наиболее сложной для понимания и описания представляется, как ни странно, гений, безразличный как к идеи пространства, так и к конкретным местам. Обычно это выражается в чисто потребительском, «обывательском» отношении к ландшафтам (случай вырожденного энлога с умельцом, сводящимся к использованию, манипулированию).

Интересно, что гении, вступающие в полноценный энлог и с категорией пространства, и с конкретными ландшафтами, как правило, не безразличны и к организации личного пространства жизни, уделяют устройству/строительству своего дома время и внимание. Примером может служить Башня К.Г. Юнга, — собственный дом, задуманный им как пространственное воплощение собственной личности, строившийся и перестраивавшийся в течение многих десятилетий по мере осознания себя.

Две небольшие цитаты из книги «Воспоминания, сновидения, размышления»²:

«Благодаря научной работе мои фантазии и содержания бессознательного постепенно обретали почву. Но слова и бумага казались мне недостаточно реальными; необходимо было что-то еще. Я должен был свои самые сокровенные мысли и свое знание каким-то образом воплотить в камне, или исповедаться в камне. С этого началась Башня, которую я строил для себя в Боллингене. Эта идея может показаться абсурдной, но я сделал это, и это означало для меня не только огромное удовлетворение, но обретение смысла» [12, с. 227].

«Порой я как будто распространяюсь в ландшафт и предметы и сам живу в каждом дереве, в плеске волн, в облаках, в животных, которые приходят и уходят, и в предметах. В Башне нет ничего, что не становилось бы и не росло в течение десятилетий, и с чем бы я не был связан. Всё имеет свою и мою историю, и тут есть пространство для внепространственного царства бессознательного» [12, с. 229].

Обращаясь к теме «гений и гений места» хочется вернуться мысленно к дискуссии о понятии в рамках одноименного круглого стола³. Хотя к единому мнению участники, как водится, не пришли, но состоявшаяся дискуссия представляется плодотворной. Во всяком случае для меня напоминание о происхождении понятия «гений места» (*Genius loci*) оказалось очень важным. Моё представление об этом явлении превратилось из плоского в объёмное. Стало очевидно: в сегодняшнем словоупотреблении «гений места» имеет отчетливую положительную коннотацию и кажется, что никакое напоминание об этимологии этого словосочетания не может уже изменить ситуации⁴. *Genius loci* сегодня — певец места, выразитель его духа, а также по совместительству и хранитель/покровитель. Однако — в чем несомненная польза обращения к корням — знание о происхождении все-таки накладывает некоторый отпечаток, в данном случае уместно было бы даже сказать: «бросает тень». Смутное ощущение «что-то тут не так» сменяется предположением: гений, прошедший огонь, воду и медные трубы массовой культуры и народной любви, зачастую становится *Genius loci* в современном понимании, если только его биография дает к этому повод. И это несомненное снижение, приземление, заужение его таланта, многогранности его творений. В каком-то смысле — расплата за слишком тесную связь с конкретным местом, им прожитым во всей полноте и воспетым, получившим в его произведениях вторую жизнь, пропуск в вечность.

Но хочется отметить, что это — как правило — уже посмертная судьба гения, которая не во всем и не всегда зависит от его личности, но скорее от парадигмы той культуры, в которой он жил и творил, и которая после смерти «присваивает», «одомашнивает» гения, прописывая его там-то и там-то, приписывая его к конкретной территории. Связь с «нечистью местного значения» тут несомненна, только теперь культурное

² Цитаты из книги «Jung C.G. Erinnerungen, Träume, Gedanken. Aufgezeichnet und herausgegeben von Aniela Jaffé» даны в моем переводе — Г.Л.

³ См. ст. В.Л. Каганского Человек в ландшафте: конференция-путешествие (наст. издание), а также эссе-репортажи О. Балла-Гертман с конференции.

⁴ Ср., например, как пишет о *Genius loci* П. Вайль во вступлении к своей книге «Гений места»: «Связь человека с местом его обитания — загадочна, но очевидна. Или так: несомненна, но таинственна. Ведает ею известный древним *genius loci*, гений места, связывающий интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой. Для человека нового времени главные точки приложения и проявления культурных сил — города. Их облик определяется гением места, и представление об этом — сугубо субъективно. Субъективность многослойная: скажем, Нью-Йорк Драйзера и Нью-Йорк О.Генри — города хотят и одной эпохи, однако не только разные, но и для каждого — особые. <...> Понятно, что «гений» имеет к «месту» непосредственное биографическое отношение. Лишь в случае Верони использован взгляд чужака, никогда в городе не бывавшего, но этот чужак — Шекспир. <...> На линиях органического пересечения художника с местом его жизни и творчества возникает новая, неведомая прежде, реальность, которая не проходит ни по ведомству искусства, ни по ведомству географии» [3, с. 1-2].

Дом К.Г. Юнга в Боллингене

сообщество не подчиняется ему, а назначает его. Положительных коннотаций добавляет также несомненная аналогия со святыми-покровителями той или иной местности/страны. Хотя, повторюсь, говорит это уже больше об обществе и культуре, чем о самом культурном герое. Примечательно, что гений может стать *Genius loci* независимо от его личной связи с хтоническими силами (см. рис. 2).

Чаще всего такая судьба постигает писателей и поэтов, или шире — гуманитариев, видимо в силу использования ими для создания образа мира и места естественного языка. Самые яркие примеры: А. Пушкин (Россия), П. Бажов (Урал), М. Волошин (Коктебель). Словом особый случай — когда гений как бы призывается на роль *genius loci*, из которого осмысленная жизнь ушла или почти ушла. И тут, как ни странно, возвращается исходное значение и одновременно в полную силу проявляется новое, современное: гений избирается/назначается в качестве *genius loci*, чтобы гарантировать месту хоть какую-то жизнь (в худшем случае), или с опорой на его фигуру создать новый культурный ландшафт или даже культурный миф (в лучшем случае). Для первого варианта в качестве примера можно взять Иммануила Канта в Калининграде. В отличие от Кёнигсберга что еще может предъявить стране и миру город Калининград, кроме могилы великого философа? [6]. Яркий пример второго варианта — Борис Пастернак в Пермском крае (Прикамье).

Говоря об особых отношениях Б. Пастернака с пространством, стоит подчеркнуть, что в своем мировосприятии он стремился, конечно, к гармонии и целостности. «И заслужить любовь пространства, услышать будущего зов» — именно об этом, о пространственно-временном континууме. Но если энэг с пространством для него естественен, дан ему сразу во всей полноте, то со временем отношения напряженные и драматические («у времени в плену»); с течением времени надо постоянно разбираться: известно, что периодически (и довольно часто) Пастернак подводит итоги прошедшей жизни, его прямотаки преследует ощущение, что время уходит или для чего-то уже ушло и т.п. Из этого единоборства со временем он всякий раз выходит, поднимаясь на качественно новую ступень и в личностном развитии, и в творчестве.

Интересно и скорее всего не случайно, что катализатором этих личностных «эволюционных скачков» становилось, как правило, новое место, новый культурный ландшафт: Оболенское (1903) — Меррикюль (1910) — Марбург (1912) — Всеволодо-Вильва (1916) — Москва (лето 1917 «Сестры моей жизни» — это совсем новая Москва) — Ирпень (1929) — Грузия (1930) — Париж (1935) — Переделкино (1939). Конечно, Москва занимает особое место, но скорее в символическом пространстве — все-таки стихи писались и издавались большей частью именно здесь, и бесценный и нестираемый опыт детства, и встреча с последней любовью — тоже здесь. И Переделкино стоит особняком: прежде

всего, в послевоенное время, т.е. в период написания романа, и далее в период разворачивания скандала вокруг «Доктора Живаго» и Нобелевской премии это антипод Москвы, которая олицетворяет не только политическую власть, но и власть Союза советских писателей. И вот здесь, когда речь идет уже о том, чтобы «смерть можно будет побороть усилием воскресенья» — возникает точка покоя. Примечательно, что некоторые из иностранных корреспондентов, во множестве посещавших Пастернака с конца 1957 года, даже не зная подробностей биографии поэта, воспринимали его самого, его окружение и сам переделкинский дом именно как некоторую область покоя, противостоящую официальной Москве в некотором символическом, духовном пространстве⁵.

Для Бориса Пастернака была характерна предельная открытость во взаимодействии с пространством и местами, об этом ярко свидетельствуют и его письма, написанные близким из разных мест (особенно в молодости), и его тексты. Как отмечает в своих статьях В.В. Абашев [1, 2], Пастернаку присуще тактильно-чувственное взаимодействие с культурным ландшафтом, «опрокидывание» своего внутреннего мира на ландшафт. Всякое место проживается максимально интенсивно — возникает живой, выпуклый предельно индивидуализированный образ места, так Пастернак как бы присваивает себе место полностью, поглощает его, — а потом делится им с нами, но образ места уже навсегда несет на себе отпечаток его личности и ёмко выражен языком Пастернака (вспомним фразу М. Цветаевой «нет Урала кроме пастернаковского» [9]). В сущности, он сам и есть та самая поэзия-губка, что появляется в стихотворении «Весна» (1914):

*Поэзия! Греческой губкой в присосках
Будь ты, и меж зелени клейкой
Тебя б положил я на мокрую доску
Зеленой садовой скамейки.*

*Расти себе пышные брыжжи и фижмы,
Вбирай облака и овраги,
А ночью, поэзия, я тебя выжму
Во здравие жадной бумаги.* [7, Т. 1, с. 90]

Такой полноценный целеполагающий энэлог с любым местом и создание его яркого образа приводит к тому, что Пастернака, как оказывается, можно «прописать» в любом месте, где он бывал и которое описал — и в Марбурге, и в Мучкапе, и на Урале, и в Перми, и во Всеволодо-Вильве, и в Чистополе, и в Москве, и конечно же в Переделкине. И оказывается существенным не его отношение к месту, а совсем иное: наполненность места смыслами помимо Пастер-

нака. Если место само наполнено смыслами, то Пастернак войдет в этот контекст и там останется, обогатит его, если место в культурном отношении «пустое», он его заполнит собой. Так что единственным *Genius loci* в полном смысле слова он стал для Всеволодо-Вильвы и Переделкина, а также — через Юрия Живаго — для Иваки (=Варыкино). Поселок Всеволодо-Вильва, в котором Борис Пастернак провел полгода в 1916 году, конечно, уже был отмечен социокультурными изменениями Саввы Морозова и коротким пребыванием здесь А.П. Чехова [4, с. 158-159]. Но если верить воспоминаниям Б.И. Збарского, к 1915 году (через 10 лет после ухода из жизни С. Морозова), когда он принимал в управление заводы и имение, от всех его начинаний остались только хорошо укомплектованные библиотеки и амбулатории. [4, с. 208-227]. На карте культурного ландшафта советского времени Всеволодо-Вильва и Ивака не значились. Появляются, вернее, проявляются они уже в постсоветскую эпоху, когда фигура и творчество Б. Пастернака становится предметом интенсивного изучения на родине. Особенно — в 2000-е годы, в ходе создания музея «Дом Пастернака». Во Всеволодо-Вильве заново и навсегда поселяется молодой поэт Боря Пастернак, написавший там «Был утренник, сводило челюсти» и «Марбург», а в Иваке/Варыкино — зрелый Юрий Андреевич Живаго, и там написана большая часть стихов из его тетради. Пермь, заметим, хотя и отождествляется с Юрием, всё же не сводима к нему, а получила звание «прообраза». Ивака же опустела, фундаменты домов зарастают травой и цветами, и эта «зеленая чаша» уже заполнена Варыкиным до краев и совершенно «опастерначилась».

Как тонко подметил А. Нилин в своей книге «Станция Переделкино: поверх заборов: роман частной жизни», Борис Пастернак в Переделкине «по всей сути своей оказывался

⁵ «Те пять часов, которые я прожил у Бориса Пастернака, — одно из величайших событий, которые произошли со мной в Советском Союзе. Я считаю их таинственными, потому что я совершенно не был готов к тому, что прямо под Москвой обнаружу место, в котором сливаются и переплетаются друг с другом течения западноевропейской и русской духовной традиции прошлого и настоящего. Для западных читателей доказательством тому, что эта другая, духовная Россия действительно существует, станет роман «Доктор Живаго». И то, что в этой другой России выжил такой человек, как Пастернак, — человек, отличающийся искренностью и интеллектуальной честностью, реалист, отличающийся живым и религиозным оптимизмом, это должно стать надеждой» [13] — перевод Г.Л.

⁶ «Пастернак жил на улице Павленко. В пору — тогда казалось, надолго — воцарившегося свободомысlia журналисты, смутно представлявшие себе, кто такой Павленко (знали, что плохой, раз Сталиным привечен), и скорее наслышанные, чем понимавшие, что такой Пастернак (поскольку при советской власти был гоним, то вполне хороший), любили иронизировать по этому поводу. Но весь сюжет писательского Переделкина держался на том, что Пастернак и должен был жить на улице Павленко. Живи Павленко на улице Пастернака, это бы тогда и не Переделкино вовсе было (в своем идеологическом толковании). Лишним был на этой улице — и до и после обретения ею своего названия — был на Петр Андреевич Павленко. Лишним был Борис Леонидович. И вот во многом потому, что в задуманном властью Переделкине Пастернак изначально по всей сути своей оказывался лишним, оно и сделалось его Переделкином — «здесь все тебе принадлежит по праву» (мнение Ахматовой). И ровным счетом ничего не меняется от того, что и музей Пастернака все равно остается на улице Павленко» [8, с. 136].

лишним»⁶. То есть, продолжу, по «самой сути» Переделкино достаточно пусто, чтобы теперь там воцарился в качестве *Genius loci* именно Пастернак.

В заключение несколько соображений о том, что может дать такая постановка проблемы.

В литературоведческом приложении такая или подобная постановка проблемы может стать отправной точкой для создания новой типологии поэтов (или писателей вообще) по признаку энлога с пространством и местами (по выражению В.В. Абашева, типология писателей от топофобии к топофилии), или более широко — как предложил И. Сид — для типологии по оппозиции «геопоэт — хронопоэт». Как отметил Б.Б. Родоман, такая типология может быть создана на основе частотного анализа текстов (правда, с оговоркой, что его придется дополнять каким-то качественным анализом, ибо частое упоминание тех или иных значимых слов может свидетельствовать не только о гармоничном, но и о проблематичном взаимодействии с пространством или временем как базовыми категориями).

Представляется, что и вне прикладных задач такая постановка проблемы позволяет немножко прояснить некоторые аспекты взаимодействия творческой личности с умвельтом, в частности, большую значимость взаимодействия с земным пространством, а возможно и скрытый смысл пресловутого «общения с природой».

Интересно было бы рассмотреть также возможность и осмыслиность распространения подобной типологии с гениев на обычных людей.

И немного рискованное предложение: можно использовать пространственный/ ландшафтный аспект при рассмотрении концепций, претендующих на универсальность, в качестве своеобразной лакмусовой бумаги. Целостная и даже внутренне согласованная на первый взгляд картина мира может быть и искаженной по сути, в своих основаниях, в этом случае пространственный аспект может служить своеобразным индикатором адекватности всей картины. Некоторым подтверждением тому может служить то обстоятельство, что уже известные нам как фрагментарные или намеренно искаженные (т.е. сознательно или бессознательно поврежденные) картины мира либо игнорируют пространство как категорию, либо приписывает несвойственные ему качества. Примерами могут служить такие концепции как «каноническая территория» (жесткая привязка конфессии к пространству, а не к населяющим его людям, у которых таким образом как бы отнимается свобода воли), «евразийское пространство» (идеальное конструирование отсутствующего в реальности единства куль-

турного ландшафта северной Евразии), «новая хронология Н. Фоменко» (отрицание исторического существования ряда реальных мест), социализм (напротив, экстерриториальность, игнорирование связи человека с местом, местной инициативы, вариантов развития местных обществ), фашизм («кровная связь» с ареалом обитания этноса, подмена естественной любви к родине поклонением хтоническим силам территории), навязывания Святым роли *genius loci*, т.е. «назначение» Святого-покровителя исключительно по территориальному признаку, например, св. Серафима Саровского — для атомного города Арзамас-16.

И в заключение осмелюсь предложить еще одно новое толкование для выражения «гений места» — *гениальное пространственное чудо и человек обладающий таким талантом*.

Библиографический список

1. Абашев В.В. Урал как предчувствие. Заметки о геопоэтике Бориса Пастернака// Вопросы литературы. 2008. № 4. С.125-144.;
2. Абашев В.В. Место и текст. Заметки о стихах, написанных во Всеволодо-Вильве//«Любовь пространства...»: Поэтика места в творчестве Бориса Пастернака/ Отв. редактор В. В. Абашев. М.: Языки славянской культуры, 2008. С.43-68.
3. Вайль П. Гений места: Колибри; 2006. — 488 с.
4. Всеволодо-Вильва не перекрестке русской культуры: книга очерков. — СПб., изд-во «Маматов», 2008. — 304 с.
5. Каганский В.Л. Ландшафт как земное тело человека и его герменевтирование (феномен культурного ландшафта и подходы к нему). — Логос живого и герменевтика телесности. — Москва, Академический Проект, 2005. — С. 488-514.
6. Каганский В.Л. Иммануил Кант и культурный ландшафт Восточной Пруссии. — <http://kant-online.ru/?p=1908> (3.06.2014)
7. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений с приложениями: в XI тт. М., Слово/ Slovo, 2003 — 2005.
8. Нилин А.П. Станция Переделкино: поверх заборов. Роман частной жизни. — Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. — 560 с.
9. Цветаева М.И. Эпос и лирика современной России. Владимир Маяковский и Борис Пастернак. // М. Цветаева Собрание сочинений в семи томах. М.: Эллис Лак, 1994, Том 5, с. 375-396.
10. Чебанов С.В. Герменевтические аспекты энлога как квазиперсонального взаимодействия. // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 5: Межвуз. сб. / Под ред. А. С. Герда. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1998. С. 19-40.
11. Чебанов С.В. Пространственная вменяемость как форма рефлексии. «Русский журнал», 28.02.2002.
12. Jung C.G. Erinnerungen, Träume, Gedanken. Aufgezeichnet und herausgegeben von Aniela Jaffé. Walter Verlag , 1983. — 419 с.
13. Ruge G. Begegnung mit dem anderen Rußland. // Die Zeit №03 (16.01.1958).